

se slovo, bez ohledu na jeho význam, je vyznačeno plným kolem, ostatní body, tj. ta místa, kde toto slovo neexistuje, jsou vyznačeny prázdným kolem. V komentáři je uvedeno, kterou otázku dotazníku mapa zpracovává (v tomto případě je to č. 168), jaký význam má toto slovo v nářečích (např. *slivovice, vodka, švestkový kompot, povídla* atd.). Dále je uvedena základní varianta hlásková a základní význam slova, které nejsou komentovány. Odlišnosti od těchto údajů jsou uvedeny v komentáři. Mapa č. 102 má komentář velmi obsáhný. Jiný typ představuje např. mapa č. 156, která sleduje výrazy pro držadlo hrabí. Odlišnou variantou základní grafické značky jsou vyznačeny různé výrazy pro tuto reálii. V komentáři jsou uváděny pouze fonetické realizace základních slov.

KDA je cenným podkladem k řešení problematiky, kterou v úvodě naznačil Bernštejn.

Karel Fic

В. В. Акуленко: Вопросы интернационализации словарного состава языка. Под редакцией профессора А. В. Федорова. Издательство Харьковского университета. Харьков 1972, 215 стр. + 1 л. табл.

Нет сомнений, что в связи с начавшейся научно-технической революцией и живыми международными сношениями и в языковедении все более необходимым является всестороннее исследование интернациональной части словарного состава языка. Поэтому нужно приветствовать книгу харьковского лингвиста В. В. Акуленко. Автор монографии изучает интернациональную лексику уже много лет.¹⁾

В предисловии сначала констатируется, что исследование интернациональных элементов в языках в современной лингвистике еще не нашло своего законного места. Интернационализмы не могут быть выделены с точки зрения одного отдельно взятого языка. Автор использует фактический материал из соответствующей литературы, но свое исследование базирует главным образом на специальных карточках, зарегистрированных свыше 6 500 изоглосс интернационализмов и псевдоинтернационализмов, которые объединяют русский, английский, немецкий и французский языки (далее лишь Р, А, Н, Ф). Ак. не претендует на окончательное решение многочисленных задач, возникающих в ходе изучения данной темы, он стремится наметить основные аспекты этой сложной проблемы.

Монография состоит из двух основных частей. Первая, более общего характера, имеет три главы. В первой автор отмечает разные возможные методы исследования интернационализмов. Самое большое внимание уделяется т. н. универсалиям. Собственно языковые универсалии в синхронии делятся автором на фонологические, грамматические, семантические и символические. В этой главе Ак. также трактует свое понимание интернационализмов, как знаков языков, сходных до степени отождествления как в плане содержания, так и в плане выражения. В книге пишется как о явной, так и о полускрытой международной знаков.

Во второй главе анализируются типы лексических интернационализмов. Ак. различает межъязыковые синонимические диморфемы, диалексемы и диафраземы. Наиболее известны международные суффиксы греко-латинского происхождения, распространившиеся в составе европеизмов. Возникают почти глобальные типологические соответствия между некоторыми интернациональными суффиксами разных ареалов (напр. европейское *-ism = -isd* в санскритизмах в языках Индии = *-чжу'и* в китайском).

Интернациональные префиксы греко-латинского происхождения малочисленны и возможности их распространения более ограничены в типологическом плане вследствие отсутствия префиксации в ряде языковых семей. Гораздо более распространены международные неизменяемые корни. В большом числе случаев они встречаются в составе интернациональных слов в сочетании с национально-специфическими словообразовательными морфемами. Наиболее универсальны греко-латинские основы, употребляемые только в качестве префиксоидов или суффиксоидов (Ак. их называет „препозитивными, постпозитивными блоками“).²⁾ Правильно здесь дифференцируются международные префиксоиды и усеченные первые основы в сложных словах, т. е. 1. *авто-* — само-, 2. *авто-* — автомобильный. Автор отмечает омонимию по отношению

¹⁾ Приведем, по крайней мере, его статью принципиального значения *Существует ли интернациональная лексика?* ВЯ 10, 1961, 3, 60—68.

²⁾ Термин „блок“ кажется нам не совсем удачным; он более подходит к сочетаниям морфем.

к усеченным словам с учением на морфемном шве; однако, в случае далее приведенного *автo* — „автомобиль“ необходимо говорить лишь об омографии.

Самостоятельные параграфы посвящены фономорфологическому и графическому аспектам интернациональных слов. Специфика ряда языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии крайне затрудняет для европейцев отождествление с европеизмами в китайском, корейском и т. п. языках, напр. рус. *спорт* и англ. *sport* — кор. *сылгочч*. При отождествлении семантики интернациональных слов единственным адекватным критерием является их взаимопонятность при соприкосновении языков. Схождения характерны прежде всего для подъязыков разных областей науки и техники. К международным словам не могут быть отнесены служебные слова и местоимения.

В последних параграфах пишется о мотивировке. Автор различает три вида: фонетическую, морфологическую (словообразовательную) и семантическую. Фонетическая мотивировка иллюстрируется, напр., на изоглоссе ономотопозитических названий кукушки в целом ряде языков. Сравнительно часты словообразовательные интернациональные аналоги, основанные на общности значений и морфологической мотивировки. Семантическими аналогами Ак. считает случаи типа рус. *адрес*, англ. *address*, нем. *Adresse*, фр. *adresse* со значениями: 1. указание места адресата; 2. письменное приветствие. Автор приводит даже международные фразеологические аналоги. Однако, это довольно далеко уводит нас от собственно интернационализмов (в узком смысле слова).

В третьей главе пишется об ареалах лексических интернационализмов и путях их становления: 1. европейско-американский с несколькими субареалами, 2. советский, 3. „ближневосточный“, 4. Индийского субконтинента и 5. „дальневосточный“.

Вторая часть книги имеет два раздела. В первой главе первого раздела исследуются изоглоссы интернационализмов в современном русском языке. Путем сопоставления 60 000 русских, английских, немецких и французских слов автор установил около 7 000 изоглосс интернационализмов. В европейско-американском ареале Р наиболее тесно связан с остальными языками славянской семьи. Приятно отметить, что на многих страницах приводятся также соответствующие эквиваленты из остальных славянских языков; совсем не учтены, однако, македонский и лужицкий языки.

Монография Акуленко изучает синхронную проблематику данной темы, но не исследует ее статически. Неоспоримым преимуществом книги является то, что она видит динамическое движение интернационализации лексики. Так, напр., Ак. устанавливает все углубляющуюся связь фонда интернациональной лексики в русском языке с интернационализмами ареала языков СССР. Она особенно проявляется в новых изоглоссах и в младописьменных языках.

Во второй главе автор пишет о соотношении фономорфологических оболочек интернационализмов. Сначала обсуждается идентификация международных слов в устной форме. Для существования интернационализмов не требуется фонологического тождества. Так, в Р, А, Н и Ф системы фонем различаются как в количественном, так и в качественном отношениях. Это не мешает сходству до степени отождествления, напр., многих согласных звуков в этих языках. Большая степень сходства имеется в письменной форме.

Основная масса наиболее характерных для каждого ареала интернационализмов отличается сходными в разных языках закономерностями в структурно-морфологическом и словообразовательном аспектах. Изучение таких закономерностей в строении иностранных слов русского языка привело Н. В. Юшманова к созданию его „грамматики иностранных слов“. Очень правильно Ак. отмечает, что к специальной терминологии нельзя подходить только с позиции среднего носителя литературного языка, приходится учитывать и подход специалистов, по-иному, часто с ориентацией на язык-источник, членящих термины. Наиболее распространены и относительно обобщенны в русском литературном языке основы чисто агглютивативного типа классического и неоклассического происхождения, способные образовывать интернациональные слова. Большинство их употребляется лишь препозитивно. Этот ряд пока еще открыт (ср. неологизмы в Р, связанные с началом полетов человека в космос). Морфы подобного вида, употребляющиеся в постпозиции, по мнению автора, уже не так продуктивны. Отчетливо выделяются и активно употребляются в современном русском языке интернациональные префиксы. Здесь, однако, мы не совсем уверены, правильно ли включать в разряд префиксов также, напр., *ультра-* и в вышеуказанный разряд компонентов сложных слов морфы типа *нео-*. Далее автор перечисляет интернациональные суффиксы существительных, — сегментация некоторых суффиксов оказывается неточной, напр. у форманта *-ация* в других этого ряда, — прилагательных, глаголов и наречий.

Особую группу составляют суффиксы продуктивные. Можно было бы их, по нашему мнению, еще далее дифференцировать на обруселые и необруселые. Ак. приводит очень важное констатирование В. М. Жирмунского, что на „материале интернациональных слов развивается особая система словообразования, в основном — тоже интернациональная, хотя и представляющая известные различия национального характера“.³⁾ К этому можно было прибавить известное наблюдение Г. Марчанда о том, что образование слов в современных европейских языках состоит обычно из двух сравнительно самостоятельных разных систем, к которым относятся все продуктивные модели. Одна из этих систем образует национальную структуру данного языка, вторая же опирается на иноязычную, но большей части новолатинскую базу.⁴⁾

В пределах общелитературной интернациональной лексики Р, А и Ф до 76 % существительных, до 18 % прилагательных, около 5 % глаголов и всего около 1 % приходится на долю причастий, наречий и междометий.

В третьей главе изучается общность и специфика семантико-стилистических характеристик интернационализмов в Р и западноевропейских языках. Сопоставительный анализ семантических структур в Р, А, Н и Ф показывает, что чаще здесь встречается совпадение главных значений, при расхождениях во вторичных. Моновсемичные слова интернационального звучания с подобными значениями Ак. называют псевдоинтернационализмами, напр. рус. *декада* и нем. *Dekade* означают десятидневный период, фр. *dekade* значит и „десять дней“ и „десять лет“, а англ. *decade* только „десять лет“.

Само собой разумеется, что автору приходилось уделять большое внимание научному стилю, ибо выражаемые терминами научные понятия по самой своей природе стремятся к международнойности. Степень интернациональности значений терминов связана также с их принадлежностью к тому или иному типу. Ак. предлагает следующую классификацию терминов: а) официально-деловые, б) научные, в) технические и г) общественно-политические. Автор совершенно прав, констатируя, что употребление терминов затрудняется неупорядоченностью понятий, ср., напр., различное определение понятия „фонемы“ у дескриптивистов, функционалистов и глоссематиков. Наоборот, образом упорядоченной терминологии считают терминологию химии.

Далее следует глава об интернационализмах при двуязычии и переводе. С психолингвистической точки зрения в книге различается двуязычие рецептивное, репродуктивное и продуктивное, а с социолингвистической — индивидуальное, групповое и массовое. Количество интерференций оказывается тем большим, чем ближе друг к другу языки в родственном отношении. Интерференции затрагивают прежде всего сходные или соотносительные явления, связанные в двух языках близостью семантики, звучания или функций. В условиях массового контактного двуязычия интерференции могут ощущаться незначительно, в условиях же индивидуального неконтактного двуязычия они замечаются говорящими как нарушения нормы или как инновации. Особой формой интерференций считает Ак. создание билингвами новых производных слов от существующих в языке интернациональных корней по образцу слов второго языка: *лидерство* (англ. *leadership*); на первом месте приводится автором *драматизировать* (англ. *dramatize*) в значении „придавать трагический или сенсационный характер“ — здесь, однако, указывается переносное значение. Опасные искажения возникают при дословном переводе интернационализмов в терминологических сочетаниях типа *ассистент (помощник профессора)* вместо приблизительного эквивалента *доцент* (англ. *assistant professor*).

Перевод является по словам автора особым случаем „двуязычия культурных людей“. По его предварительным подсчетам около 70 % интернациональных слов в А могут переводиться русскими параллелями, приблизительно в 22 % случаев такой перевод обеспечивает понятность, но требует литературной правки, и не более чем в 8 % случаев буквализмы ведут к существенному искажению или полному нарушению понятности высказывания. Наиболее серьезные ошибки в переводе создают кальки, основанные на отождествлении несоотносительных значений интернационализмов, находящихся в отношениях межъязыковой омонимичности или паронимичности (полагаем, что правильнее было здесь говорить лишь о паронимичности) типа *агония* — „страдание“ (англ. *agony*).

Второй раздел посвящен путям интернационализации словарного состава русского

³⁾ В. М. Жирмунский, *Национальный язык и социальные диалекты*, Л. 1936, 194.

⁴⁾ H. Marchand, *Notes on English Suffixation*, Neuphilologische Mitteilungen 54, Helsinki 1953, № 5—6, 254, 258.

языка. В первой главе автор пишет о путях и этапах формирования фонда интернационализмов в Р. Постепенно менялся основной источник западноевропейских заимствований. В Петровскую эпоху это был Н, со второй половины XVIII в. Ф. В XIX в. Р заимствует многие интернациональные слова — автор определенно преувеличивает, говоря об „интернационализации русского словаря в XIX в.“, на самом деле интернационализация могла касаться лишь части русской лексики. С конца 20-х годов XX в. среди источников международных слов на первое место выходит А. Заметная активизация различных форм языковых контактов Р, связанная с расширением международных связей СССР и увеличением роли языка научно-технической литературы и форм массовой коммуникации, начинается со второй половины 50-х годов. В конце монографии Ак. пишет о Р как об источнике интернационализмов.

Во второй главе исследуются место интернационализмов в современном Р и особенности их функционирования и развития. Автор распределяет интернациональную лексику Р между словами „иностранными“ и „своими“, причем большую ее часть он относит к словам иностранным. Интернационализмы Ак. разбивает на слова в Р немотивированные и мотивированные, предлагая знакомить учащихся с основными греко-латинскими терминологическими элементами. Автор пишет, что стилистические различия интернациональных — неинтернациональных пар синонимов могут присоединяться к семантическим и приводит два примера; в паре *эксперт — специалист*, однако, нет неинтернационального слова.

В конце книги даются выводы, затем следует список сокращений и (это очень ценно) чрезвычайно богатый указатель литературы — всего 276 заглавий. В конце рецензируемого издания имеется краткое резюме на английском и французском языках.

Монография В. В. Акуленко хорошо издана, теоретически прекрасно обоснована, приносит много важных и полезных указаний. Она базируется на очень богатом материале и в этом отношении выходит за рамки русистики и славистики, во многих случаях даже индоевропеистики. Автору пришлось так или иначе познакомиться с огромным количеством языков, типологически часто очень отдаленных. Нет сомнений, что книга Акуленко основывается на интенсивном и много лет продолжавшемся исследовании. Несмотря на некоторые наши отдельные замечания, мы не сомневаемся в том, что обсуждаемая монография представляет собой фундаментальное исследование данной темы. Она будет встречена с живым интересом как лексикологами славистами, так и англистами, германистами, романистами, а также типологами и, конечно, терминологами. Настольной станет эта книга для всех русистов, занимающихся межъязыковыми контактами.

Йиржи Йирачек

Studii de slavistică. Academia Republicii socialiste România. Institutul de lingvistică. Sectorul de slavistică, București 1971

V rámci Rumunské akademie věd existuje jazykovědný ústav, jehož součástí je samostatné slavistické oddělení (sectorul de slavistică), obírající se excerptel stl. památek (vzniklých na území Rumunska) a připravující stl. lexikální thesaurus. Avšak vedle tohoto stěžejního úkolu se věnují vědeckt pracovníci z tohoto oddělení jak studiu historického vývoje stl. památek, tak jazykovým kontaktům, etymologii a dialektologii. Z těchto oborů připravuje slavistické oddělení RAV pravidelné periodikum, jehož cílem je včas zveřejňovat badatelské výsledky, aby nebyly zbytečně antikvovány.

I. *Filologie a historie jazyka.* — G. Mihăilă v čl. *O štřěnit rukopisů v Rumunsku, pojednávajících o životě a působení soluňských bratří Konstantina (Cyrila) a Metoděje*, upozorňuje na to, že cyrilometodějská tradice v Rumunsku je velice bohatá a že se šifila prostřednictvím slovanského jazyka, jehož se užívalo jako jazyka kulturního. Vzhledem k tomu, že se rumunští opisovači přidržovali šablonovitě jazyka Cyrila a Metoděje, je hodnota stl. originálů velká a jejich studium má značný význam pro hlubší poznání byzantsko-slovanské kultury. Mihăilova jazyková analýza stl. písemných kopií a variant, uchovaných v universitních knihovnách v Rumunsku i jinde, budí úctu. Náleží k nim: *Život filosafo Konstantina* (v srbské redakci), *Život filosafo Konstantina* (v bulharské redakci), a) rkp. č. 164 BAR, b) rkp. z univ. knihovny ve Lvově č. 1, B-1 (kopie moldavská), c) rkp. kopie diakona Nikifora ze Sučavy, *Životopis Cyrila* — je to památka, z níž se vybírají citáty při kázáních v chrámech, *Cyriľovy paměti* — památka v ruské redakci, vzniklá na podkladě středobulharské (moldavské) rkp. ze 17. stol.), *výklad o Cyriľovi* v slovanském překladu, známém jako Krátké kroniky od patriarchy Nikifora a Kronika srbsko-moldavská, *O písmu od mnicha Chrabra*, jež se vyskytá v několika variantách a) rkp. moldavský od Hilandra, b) rkp.